

Во дворе разверзся хаос. Хриплый вопль главаря созывал его головорезов. Откуда выползли эти крысы, посмевающие грабить среди бела дня? Неужели они не слышали о всесильном агентстве «Наньфэн»!

"Ишь, какие герои выискались! Да у нас тут десяток бравых парней!" – взревел один из бандитов, заноса нож. Но встревоженный дядя Сюй, вопреки его ярости, преградил ему путь.

Капли пота выступили на лбу дяди Сюя. Странное, смутное чувство кольнуло его – неужели это и правда их юный господин? Но как такое возможно... Что он задумал? Наряд этот... Ло Вэньсинь такой хрупкий, а этот мужчина – словно выкован из стали, вдвое больше. Неужели он не разорвет эту одежду, натягивая ее на себя? Сердце дяди Сюя сжалось от мысли о погубленном наряде, и он горестно вздохнул.

А в это время Цзи Шэн, словно тень, метнулся с одеждой во внутренний двор. В распахнутом окне мерцал свет.

Ранняя весна еще не отпустила ледяные пальцы. Угольную жаровню давно убрали, оставив лишь теплый подогрев пола. Ло Вэньсинь, только-только вырвавшийся из цепких объятий болезни, жадно глотал прохладу. В тишине, когда никто не видел, он, словно зачарованный, крался к окну.

Распахнув створки, он первым делом бросил взгляд на озеро, которому так и не успел толком нарадоваться. Увидев, что лед уже сошел, он немного расстроился, но потом взгляд зацепился за персиковые деревья, усыпанные нежными, набухшими почками. Сердце его забилося в предвкушении – как бы здорово было сорвать маленькую веточку!

Ло Вэньсинь подпер подбородок рукой и, словно в забытьи, смотрел в окно, когда вдруг чьи-то сильные руки подхватили его сзади.

Он вздрогнул, чуть не вскрикнул, но его вовремя перехватили за талию и ноги. Мужчина нес его, словно невесомую игрушку, прижимая грудью к спине. Даже сквозь тонкую ткань Ло Вэньсинь чувствовал твердость его мышц.

Он сразу понял, кто это. В конце концов, кто еще осмелился бы так бесцеремонно ворваться к нему в комнату?

"Цзи Шэн!" – угадал он и перестал бояться. Но сердце все равно стучало чуть быстрее от его внезапного появления. Он сердито толкнул его локтем и потребовал: "Отпусти!"

Голос его немного повысился, но тон оставался мягким и нежным, совсем не похожим на раздраженный рык.

Цзи Шэн промолчал. Вероятно, он только что закончил тренировку: на нем был лишь тонкий слой одежды, ткань которой была слегка влажной от пота, а все его тело излучало жар.

"Пол холодный", – проговорил он, поднял мальчика за лопатки, отнес его от окна к мягкому дивану, усадил на него, а затем потянулся к коробу с едой, стоявшем на низком столике.

Ло Вэньсинь пробормотал: "Я и сам мог дойти, не нужно меня носить".

Цзи Шэн промолчал, лишь взглянул на Ло Вэньсиня. Тот проследил за его рукой и увидел раскрытый короб – лекарство внутри было нетронутым.

"..."

Выражение лица Цзи Шэна не изменилось, но Ло Вэньсинь уже почувствовал себя немного виноватым. Он опустил глаза, и голос его стал гораздо тише: "Я уже выздоровел... Я больше не хочу пить это".

Традиционная китайская медицина была слишком горькой, и Ло Вэньсиню она совсем не нравилась.

Он не понимал, почему Цзи Шэн с какого-то момента начал приносить ему лекарство каждый день.

Но если присмотреться, то, кажется, именно после их обещания мизинцем он стал часто видеть Цзи Шэна.

Лекарство, что он принимал по вечерам, ему теперь приносил Цзи Шэн, а не Люй И; а через несколько дней он и вовсе почти перестал видеть Люй И.

В первые несколько дней Ло Вэньсиню было еще немного непривычно.

Из-за бесстрастного лица мужчины он все еще чувствовал некоторую застенчивость и не осмеливался подходить к нему слишком близко.

Но затем он вспомнил, как Цзи Шэн извинился перед ним и даже дал обещание мизинцем, и понял, что у него больше нет причин ему сопротивляться.

Однако процесс кормления его лекарством оказался невероятно тяжёлым. Мало того, что само лекарство было слишком горьким, Цзи Шэну требовалось гораздо больше времени, чем Люй И, чтобы дать ему его, что невольно усугубило дискомфорт Ло Вэньсиня.

«Последний день», — Цзи Шэн поднес ложку к губам.

Ло Вэньсинь посмотрел на него с горечью, тот хотел его обмануть.

Но перед ней стоял Цзи Шэн, а не Люй И. После нескольких секунд борьбы Ло Вэньсинь послушно принял его.

Ему хотелось выпить поскорее, чтобы эта последняя попытка закончилась как можно скорее, но Цзи Шэн, казалось, боялся, что он подавиться. В каждой ложке лекарства было очень мало жидкости, а его движения были крайне медленными и размеренными. Ему потребовалась целая четверть часа, чтобы скормить ему небольшую миску лекарства.

Даже после того, как он доел последний глоток, ложка все еще была прижата к его губам.

Ло Вэньсинь поднял взгляд и, как обычно, увидел, что Цзи Шэн пристально смотрит на него, даже не заметив, что он закончил пить.

В последнее время Ло Вэньсинь уже привык к его взглядам и знал, что Цзи Шэну это нравится.

Хотя он уже не боялся так, как раньше, он все равно чувствовал себя немного неловко.

...Кто так долго смотрит на кого-то, не двигаясь?

Ло Вэньсинь все больше ощущал, что Цзи Шэн похож на Ван Ван.

Ван Ван любил смотреть на него вот так. Раньше, когда он сидел на диване и спокойно читал комиксы, Ван Ван приседал в стороне, высовывая язык и неподвижно поглядел на него.

Но это же гав!

У Ван Вана было два прекрасных гетерохромных глаза: один голубой, а другой желтый, в отличие от Цзи Шэна, чьи глаза были темные и глубокие, они смотрели не моргая... заставляя прятаться.

Ло Вэньсинь оттолкнул ложку, протянул руку, чтобы закрыть глаза Цзи Шэна, и прошептал: «Ты не можешь продолжать так на меня смотреть».

Цзи Шэн невольно закрыл глаза на мгновение, но не убрал руку. В таком положении он уловил слабый аромат, исходивший от пальцев мальчика, и спросил: «Почему?»

Цзи Шэн подумал: «Это считается издевательством?»

Ло Вэньсинь глядел на подбородок мужчины, его ладонь зудела от его ресниц, и он не мог говорить.

Внезапно его руку перехватили, а в следующее мгновение обжигающее дыхание, коснулось его нежных, тонких пальцев.

"Ты....."

Ло Вэньсинь вздрогнул, его светлые щеки мгновенно залились краской, и он попытался отступить, словно его ударило током.

Но волк, почуяв запах мяса, не собирался давать ему ни единого шанса на спасение. Всего за несколько вдохов он облизал пальцы правой руки Ло Вэньсиня, не пощадив даже нежную кожу между пальцами.

Мужчина стоял совсем рядом, почти касаясь его, его высокая фигура обдавала его теплом. Когда он открывал рот, Ло Вэньсинь даже слышал, как он сглатывает.

У Ло Вэньсиня даже возникла иллюзия, что его собираются съесть.

Он задрожал от стыда, его глаза тут же покраснели. Он потянулся и ударил Цзи Шэна, но прежде чем он успел повторить, Цзи Шэн схватил его и прижал к себе.

Цзи Шэн опустил голову, его темные глаза встретились с его взглядом, и он сказал: «Не двигайся».

Ло Вэньсинь чуть не расплакался.

Не в силах пошевелить руками, он смог лишь вытянуть ногу и ударить мужчину в живот.

Мышцы живота Цзи Шэна были твёрдыми как камень, и Ло Вэньсинь почувствовал боль.

Более того, Цзи Шэн оставался совершенно невозмутимым; абсолютная разница в силе означала, что он вообще не воспринимал Ло Вэньсиня всерьез.

Ло Вэньсинь был одновременно смущен и раздражен. Он попробовал ударить коленом в другое место.

Из всех атак эта наконец сработала, потому что глаза Цзи Шэна мгновенно изменились.

Мужчина издал приглушенный стон, а затем внезапно применил силу, опустившись на кровать одним коленом и удерживая одной рукой руки мальчика, а другой схватив его непослушную ногу.

Ступня была ненамного больше ладони, и даже сквозь белые носки он как будто не чувствовал никаких костей.

Цзи Шэн изначально просто хотел прижать его, чтобы он не пинался, но, подержав ступню в руке некоторое время, он не захотел отпускать.

Почему он такой мягкий?

Такое ощущение, что если его очень сильно сжать, то он исчезнет.

Цзи Шэн был весьма заворожён этим прикосновением. С холодным лицом он некоторое время трогал его. Когда он уже собирался снять носки, чтобы проверить, он услышал тихий всхлип, похожее на скулеж маленького зверька.

Цзи Шэн поднял взгляд и увидел, что кошачьи глаза мальчика полны слёз, веки уже покраснели, а ресницы покрылись толстым слоем тумана. Когда он моргнул, казалось, что он вот-вот зальётся слезами и упадёт.

Неизвестно, было ли это от злости, смущения или зуда.

Ло Вэньсинь шмыгнул носом, а когда увидел, что он смотрит на него, отвернулся, уткнулся лицом в подушку и приглушённым голосом сказал: «Ты издеваешься надо мной».

«Это не издевательство».

«Всё ещё отрицаешь». Голос Ло Вэньсинь дрожал от слёз. Он повернул голову и увидел, что во время борьбы лекарство каким-то образом попала ему на одежду, оставив тёмное пятно. Он почувствовал себя ещё более обиженным и обвинил: «Ты испачкал мою одежду...»

Цзи Шэн проследил за его взглядом и сказал: «Если это грязно, значит, это грязно».

"..."

Ло Вэньсинь был так зол, что у него заболела голова, но он не мог придумать больше оскорблений. Всё, что он мог сказать снова и снова, было: «Ты издеваешься надо мной».

Пара больших рук обхватила его за талию и подняла. «Надо переодеть, есть новая одежда».

В голове Ло Вэньсинь помутилось; он не понимал, как разговор вдруг перешел на эту тему.

Какая новая одежда?

Наконец-то вспомнили об одежде, забытой на низеньком столике.